

ГЛАВА 1

АРТЕЛЬ

— В конце сентября, холодным утром, таким ранним, что в нем еще не забрезжил рассвет, осторожно ступая во мраке по дорожкам, засыпанным прелыми ароматными листьями, сестры шли в храм на полунощницу. Из-за черных облачений их неторопливо движущиеся фигуры в темноте были почти невидимы. Несколько дорожек призывно прокладывали путь к Никольскому храму. В окружающей тьме выделялись только стены здания, непонятно чем подсвеченные — ведь ни луна, ни звезды в хмуром небе так и не появились.

В стилом храме уже теплились у икон лампы. Свечи, которые теперь найти становилось

все труднее, берегли, и потому зажигали по одной, когда начиналась служба.

Сестры заняли свои привычные места, посматривая на отдельно сидевшую в своем кресле задумчивую игуменью Олимпиаду. Началась служба. Зазвучал голос чтицы. В пустом храме молитвы эхом отражались от стен и сводов. Напряженная тишина наполнилась летящими словами, обращенными к Богу, но порой казалось, что в эти звуки вплетались еще и молчаливые молитвы каждой из монахинь.

В храме теперь ежедневно молились только насельницы монастыря. Мало кто из крестьян лежащего рядом с обителью села Акатово рисковал приходить на службу. Паломники и вовсе появлялись редко, чаще в праздники. Не до посещения святых мест стало измученному, обнищавшему народу, испуганному напористым атеизмом.

Для мира монастырь уже восемь лет, с 1919 года, как перестал существовать. Новые власти постановили, что нужно обитель заменить сельхозартелью. Внешнее переименование ничего не изменило в жизни сестер, обитель продолжала жить по своему обычному уставу. Черницы работали, как и раньше, исполняя послушания, отдавая основное время своей жизни молитве. Но мир давил, бился о монастырские стены, отрывая от них и уничтожая недавно еще такой преданный Христу народ. И через десять лет брани с новой властью осталось в артели-обители чуть больше

тридцати сестер из бывших до революции ста шестидесяти. К монахиням жались в своих неустроенности и голоде окрестные жители, в артели работали вместе с насельницами еще шестьдесят крестьян.

Полунощница плавно перетекла в утреннюю службу. Пришедший в храм священник, отец Владимир, начал ее хриплым, простуженным голосом. Уже проснувшиеся и бодрые сестры на клиросе поддерживали его стройным пением, чистыми, словно умытыми, голосами. Тридцать, тридцать верных — не так уж и мало! Обо всех ушедших они скорбно молились, а на этих — выдержавших десять лет гонений — матушка Олимпиада сейчас смотрела с особой любовью, как смотрят родители на преданных и послушных детей.

Когда подошел черед благовеста к бдению, все присутствующие в храме сестры и даже священник съежились, переглянулись: они никак не могли привыкнуть, что в час, когда должны зазвучать колокола, наполняя своим пением небо над монастырем, селом, окрестными лесами, уже две недели царила тишина. Безмолвие в эти моменты становилось абсолютным, пустота заменяла даже воздух вокруг храма, всасывая все звуки, словно тряси́на. Колокольня онемела, и людей пугало ее безгласие. Так потерявший голос человек силится что-то сказать, но не может, и жаль его до глубины души, и невысказанные его слова кажутся самыми важными и необходимыми...

Колокольня молчала.

Пропал по приказу свирепого мира призывавший к заутрене звон, пробуждающий души, очищающий окружающее пространство, привлекающий ангелов. Больше не было права у колоколов петь мелодии праздников, дарить радостные перезвоны. И увидеть, какой обзор открывается с колокольной теперь никто не мог — славный вид на подмосковную обитель на краю села Акатово, которую обходила, словно окружала с трех сторон река Нудоль, прятавшаяся в лесу. Храмы, монастырское кладбище, сестринские корпуса, окружавшая здания стена — все смотрелось с высоты колокольной пейзажем, столь радостным сердцу любого русского художника. Особенно хороши были виды осенью — цветная яркая листва раскрашивала окружающие леса, как фон для монастыря.

Но дверь, ведущую к лестнице колокольной, наглухо заколотили внезапно нагрянувшие милиционеры да комсомольцы. И пообещали, что вскоре колокола, пересчитанные ими, и вовсе снимут для переплавки.

Служба набирала силу. В полутьме храма, где темнота сливалась с черными облачениями сестер, проявлялись их бледные, светлые лица, вдохновенно блестели глаза, отражавшие мерцание свечей. И казалось, что их уже не тридцать, а больше: ряды лампад так подсвечивали иконы, что святые на них, казалось, оживали, и с образов внимательно всматривались в молящихся людей...

Особенно живым был лик Пресвятой Богородицы на самой почитаемой в монастыре иконе

«Скоропослушница». Этот образ Божией Матери, подаренный афонскими монахами, бесконечно любили в обители, насельницы ласково называли «Скоропослушницу» своей Игуменьей. И так истово, усердно молились Ей изо дня в день, из ночи в ночь, что происходили у этой иконы чудеса, люди получали помощь в своих бедах.

Божья Матерь ласково обнимала рукой Сына, сидящего у Нее на коленях, и улыбалась нежно, едва заметно. Ее светлый лик казался совершенно живым, одухотворенным. Богородица куталась в багряный омофор с золотым орнаментом по краям — в храме этим утром было слишком холодно и сыро.

На теплом Афоне в старые времена икона Пречистой Богородицы находилась в монастыре Дохиар в трапезной, на кухне, где Ей, конечно, было тепло и уютно. Но нерадивый монах-служка плохо следил за чистотой святого образа, ленился в послушании: коптящая лучина покрыла черной сажей прекрасный лик Божьей Матери. И однажды раздался Ее голос — приказала Она нерадивому иноку убрать лучину! А когда он не подчинился, наказала его слепотой. Долго плакал у иконы ослепший, умоляя о милости Царицу Небесную, раскаявшись, день и ночь просил прощения. Она сжалилась над несчастным, вернула ему зрение. А потом заповедала всем людям молиться этому Ее образу, обещая, что услышит каждого христианина, который будет обращаться к Ней. Услышит скоро — и помилует,

потому изображение это, по словам Самой Богородицы, следует называть «Скоропослушница». С тех пор на Афоне перед этой иконой постоянно совершают молебны. Афонские монахи сделали список святыни, привезли его в Россию и подарили подмосковному монастырю в деревне Акатово.

К концу службы в храме становилось все светлее и светлее, туманный рассвет быстро переходил в настоящее утро. Когда служба закончилась, насельницы ручейком потянулись поклониться «Скоропослушнице», попросить благословения для наступающего дня. А затем, крестясь на иконостас и низко кланяясь, они поспешно отправлялись исполнять свои послушания.

Кивнув игуменье в ответ на ее поклон, спешно удалился батюшка. Только две послушницы неторопливо принялись убирать храм. Первым делом они бережливо сложили недогоревшие свечи в специальные коробки. Двигались девушки бесшумно, осторожно, не поднимая глаз на матушку игуменью, которая в задумчивости осталась одна у иконы «Скоропослушница».

Только Господь и Пресвятая Богородица знали, что ждало в скором времени монастырь, какая судьба будет у Их дочерей, которые пришли сюда для спасения своей души и угождения Богу!

Сами же они не представляли, что будет с ними дальше. Замолчали в обители колокола, часто приезжали проверяющие, старательно переписывающие имущество обители, которое теперь принадлежало

артели. Начали появляться в районной газете статьи с требованием закрыть сельскохозяйственную артель, потому что она на самом деле остается монастырем, в котором по-прежнему молятся Богу. Матушка Олимпиада чувствовала сердцем, что обитель скоро могут уничтожить. Но никто не мог осилить суд над рабами Божьими, никто не имел власти подвергнуть их такому наказанию. Только Господь и Его Пречистая Мать могли вершить судьбы людей.

Матушка Олимпиада стояла перед «Скоропослушницей», вглядываясь в Ее знакомый до последней черточки лик. Божья Мать в полутьме храма казалась спокойной и умиротворенной, смотрела на игуменью ласково, но с затаенной печалью, с грустной улыбкой, словно жалея ее.

Какое-то время матушка шептала молитвы, склонившись перед образом.

— Владычица! — наконец обратилась она громко и опустила на колени. Невыразимая боль пронзила ее тело, едва удалось подавить вырвавшийся стон: много лет ее мучила болезнь ног, с трудом заживали раны на истерзанных венах, а рядом с зарубцевавшимися язвами образовывались новые кровавые пятна, и не было этой напасти конца.

Стоять на коленях для больной игуменьи было страданием. Послушницы, которые знали, как болеет матушка, застыли, готовые в один момент броситься ей на помощь. Но она через какое-то время, упираясь

ладонями в пол, взяла себя в руки, затем выпрямилась и повторила:

— Владычица!

Много лет назад, когда матушка Олимпиада была еще просто Верой и несла послушание у подсвечника рядом с иконой «Скоропослушница» во время служб, подсвечник всегда полыхал огнями жертв-свечей, ни одного свободного места на нем не оставалось. Храм тесно заполняли верующие, которые своим пением вторили большому сестринскому хору, со слезами целовали иконы и благоговейно выстаивали длинные монастырские службы.

Однажды, когда белой, чистой, отглаженной тряпочкой она протерла стекло перед милым ликом Божьей Матери и готовилась поставить на подсвечник большую ароматную восковую свечу, Пречистая с иконы вдруг улыбнулась ей лучезарно, повела головой и поправила свободной рукой свой багряный убрус.

Этого просто не могло быть!

Но сидевший на коленях у Матери Младенец приподнялся, протянул к стоящим в храме людям ручку и тоже радостно улыбнулся.

Послушница Вера — будущая игуменья Олимпиада — в благоговении застыла, боясь пошевелиться и спугнуть чудесное видение. Но в этот момент какой-то человек слегка толкнул ее в спину, прошептав: «Сестра, свечу поставьте!» И стоило на мгновение

двинуться, моргнуть — чудное видение растворилось, вместо оживших Пречистой Богородицы и Младенца вновь было перед нею только их изображение.

Память об этом видении навсегда сохранилась в сердце матушки Олимпиады, оно возникало в ее голове каждый раз в молитве перед чудотворной иконой. Она теперь точно знала, что за этим образом существуют живые, одухотворенные Божья Матерь с Младенцем. И стоит только с чистым сердцем обратиться к Ним с искренней молитвой, Они непременно ответят.

— Владычица! — в третий раз обратилась к Богородице матушка. Больше она ничего вслух не говорила, зная, что Пречистая видит ее душу, боль за доверенных ей сестер, за притесняемую обитель, за молчание колоколов, за опустевшие храмы. Кричало от горя сердце монахини, повторяя слова Спасителя, произнесенные Им в предчувствии страданий, и ее душа обливалась слезами: «Господи, пронеси мимо меня и моих чад, которых Ты дал мне, эту чашу! Пресвятая Богородица, умоли Своего Сына о милости!»

В храме стояла тишина — почти полная, потому что в дальнем углу у колонны плакали две молодые послушницы, прекратив уборку, они затаились в темном углу. То ли понимали, какая беда грозит им всем, то ли просто жалели старую матушку, почувствовав ее боль.

Матушка Олимпиада несколько раз перекрестилась и поклонилась до пола, словно подтверждая свое безусловное приятие любого решения Господа

о будущем монастыря, каким бы горьким оно не оказалось, отдавая себя в полное подчинение Небесной воле, полагаясь на заступничество Пресвятой Богородицы.

Матушка попыталась встать, но не смогла, а только покачнулась. Послушницы метнулись и в мгновение ока оказались рядом с ней, поддержали ее, подставили с двух сторон свои плечи и не без усилия подняли игуменью на ноги. Подождали, пока она стояла с закрытыми глазами, пытаясь справиться с приступом болезненных судорог. Успокоившись, ласково улыбнулась испуганно смотревшим на нее девушкам:

— Принесите мне посох.

Одна из послушниц осторожно двинулась в сторону, матушка с благодарностью ей кивнула, подтверждая, что она справится, сможет стоять:

— Манюша, посох у моего места. Принеси.

Игуменья Олимпиада, опираясь на свой посох, пошла медленно, осторожно. Послушницы какое-то время смотрели ей вслед, а потом бросились за ней, догнали уже на паперти, не сговариваясь, склонились перед ней низко, крестообразно сложили ладони, попросили:

— Благословите, матушка.

— Господь с вами!

Большой красивый крест, что висел у нее на шее, она протянула по очереди каждой из сестер. Они поцеловали крест. Игуменья Олимпиада внимательно посмотрела на девушек:

— Не говорите никому, что видели. Идите. Исполняйте послушание.

Девушки снова поклонились и убежали в храм.

Матушка медленно, опираясь на посох, направилась к игуменскому корпусу.

* * *

К концу октября, когда листвы на деревьях почти не осталось, изредка начинал срываться снег. Впрочем, был он такой мелкий, что напоминал крупу и сразу таял, не долетая до земли. Уже давно убрали урожай в полях, вспахали землю и удобрили ее навозом. Ровные грядки монастырского огорода опустели, урожай овощей перенесли в подвалы. Коров стали редко выгонять на пастбище, хотя немного травы там еще оставалось, но возвращались они такие грязные, что перед дойкой приходилось каждую полностью мыть, поэтому проще их было кормить на месте — в коровнике. От частых дождей и стывших ветров и куры не показывали носа из птичника, да и неслись они плохо, переживая наступающий холод и уменьшающийся световой день.

В Александро-Невской сельхозартели крестьяне получили заработанную ими часть урожая, сезон тяжелого труда подходил к концу, селяне готовились к зиме.

В обители с раннего утра несколько сестер сметали в кучи большими метлами опавшие грязные,

прелые, теряющие красоту листья, потом складывали их в мешки, чтобы сжечь за пределами монастыря.

Размашисто перекрестившись и низко поклонившись в пояс на Никольский храм, в который упиралась широкая прямая дорожка от входа в обитель, в монастырские ворота не вошел, а скорее вбежал шустрый мужичок Андрюша, на ходу сдергивая с головы неизвестного цвета потертую шапку, которую носил и зимой и летом. Не менялась и его выдавшая виды одежда, иногда новыми оказывались только веревка, которой он подхватывал на поясе стеганый сюртук с чужого плеча, и старая котомка, изветшавшая, протертая до дыр.

Приходил Андрюша в монастырь всегда неожиданно, мог исчезнуть на долгое время, а появившись снова, оставался надолго, сколько ему хотелось. К нему привыкали, как к родному, но исчезал он тоже внезапно, ничего никому не сказав. Люди говорили, что бродил Андрюша по дорогам, от храма к храму, от монастыря к монастырю. Был он незлобив, как ребенок, доверчив, его любили. Многие с теплом привечали юродивого безгрешного человека, кормили, клали еду в котомку, позволяли у себя переночевать. Он всегда — просил ли чего или говорил кому-то о чем-то серьезно — смешно сдвинув брови, повторял часто, настойчиво: «Ради Христа!» Произносил он эти два слова медленно, с расстановкой.

— Ра-ди Хрис-та!

Его круглое улыбчивое лицо с детским выражением искренней радости — от мира, который он видел, и вины — неизвестно перед кем и за что, на любой паперти невольно привлекало внимание, ему охотно подавали. Часть милостыни Андрюша, взвесив в руках свою котомку, покачав головой, вдруг начинал раздавать. Собранные булочки и пирожки шли на угощение другим нищим, бедным старухам или гуляющим у храма детям.

В Акатовском монастыре всегда радовались приходу Андрюши. Вот и сейчас насельницы, убравшие двор, помахали руками в ответ на его приветствие:

— Бог в помощь, сестрички!

Но блаженный не остановился, как обычно, поговорить с ними, рассказать новости, а быстро и решительно направился к ближайшему сестринскому корпусу, в который не то что мужчинам не разрешалось входить, но вообще никаким мирским людям.

Сестры застыли в недоумении.

Через минуту из сестринского корпуса выбежала испуганная, раскрасневшаяся сестра Васса, бегом направилась в игуменскую. За ней вышли еще несколько монахинь, они в растерянности остались стоять на улице.

Инокиня Васса, быстро пробежав по коридору игуменского корпуса, вошла в матушкину келью.

— Матушка, — мать Васса не решалась поднять на игуменью глаза, — в монастырь пришел блаженный Андрюша. Он...

Она не знала, как сказать такое:

— Безобразничает...

— Рассказывай.

— Зашел в сестринский корпус, на кроватях валяется в грязных сапогах, постели на пол сбрасывает и вещи...

— Подожди меня в коридоре, — прервала ее игуменья, — вместе пойдем. Посмотрим.

Через несколько минут матушка Олимпиада в сопровождении матери Вассы вышла в монастырский двор. Когда они подошли к первому сестринскому корпусу, там уже никого не было, исчезли куда-то и сестры, убиравшие листья. В это время вдалеке из Никольского храма вышла мать Анатолия, заботившаяся о церковной ризнице. Увидев игуменью, она бегом бросилась к ней.

— Матушка, вязать его надо! Не в себе Андрюша!

— Что делает?! — посмотрела в сторону храма игуменья.

— Он храм оскверняет! — чуть не заплакала обычно невозмутимая и молчаливая мать Анатолия.

— Пойдемте. Посмотрим, — направилась к церкви матушка Олимпиада.

Игуменья и инокини вошли в храм. Их глазам предстала страшная для любого христианина картина: от иконы к иконе, вдоль алтаря носился Андрюша, нахлобучив на голову шапку, в руках у него был мешок с грязными листьями, собранными сестрами. Из мешка Андрюша со странным гиканьем разбрасывал

мусор: листья с комьями грязи летели в образа, на красную ковровую дорожку, которая вела в алтарь, пачкали подсвечники, попадали в лампы. Десяток насельниц со слезами на глазах наблюдали за этим непостижимым действием: их дорогой Андрюша, которого они жалели, которому не один год помогали, сейчас осквернял любимый ими храм, их святыню!

— Матушка! — метнулась к игуменье мать Зоя, самая строгая из инокинь, от природы горячая, которой тяжелее других было наблюдать кощунство. — Остановите его!

Но печальная игуменья Олимпиада одним движением руки остановила речь сестры Зои. Та молча отошла в сторону, закрыла глаза ладонями и отвернулась к стене.

А у блаженного вдруг, откуда ни возьмись, в руках оказалась метла, из тех, которыми сестры убирали двор. Он покружился с ней по центру храма, старательно подмел листья у ног монахинь, а потом забежал, беспорядочно подкидывая листву вверх, перебрасывая ее слева направо. На секунду он остановился, как будто кого-то увидел, и снова быстро-быстро заработал метлой, будто от кого-то отбиваясь, кого-то прогоняя метлой:

— Ах, вы, косматые!!! — закричал Андрюша грозно. — Ух, я вас... — воевал он с кем-то невидимым.

Наконец он в изнеможении опустил руки и, печальный, не поднимая глаз, пошел к игуменье. Сестры выхватили у него метлу.

Матушка Олимпиада долго смотрела на поникшего, виноватого Андриюшу, в глазах у нее стояли слезы.

— Дуня, — обратилась она к молодой шустрой послушнице из трапезной, — накормите его.

Дуня увела присмирившего буяна, но сестры не расходились, вопросительно смотрели на игуменью.

— Не ругайте его, — печально вдохнула матушка. — Он предупредил нас. Монастырь скоро закроют. Нужно готовиться.

* * *

Когда большинство сестер ушли, игуменья направилась к иконе Пречистой Богородицы «Скоропослушница», перекрестилась, поклонилась, старательно убрала грязные листья, прилипшие к святому образу, и белой тряпочкой, забытой кем-то на пустом подсвечнике, вытерла сохранявшее образ стекло.

Монахини во главе с матерью Анатолией принялись снова убирать храм, сметая в кучки листву и осыпавшийся с нее мусор. Грязь, которая не поддавалась венику, скоблили щетками. Особенно сложно было привести в порядок красную ковровую дорожку, ведущую в алтарь, ее они вместе долго мыли. Затем, тщательно осмотрев все иконы, чистыми тряпочками натерли каждый сантиметр ликов и окладов.

Выйдя из Никольского храма, матушка Олимпиада пошла к стенам недостроенного Александро-Невского собора, с печалью глядя на заброшенную стройку. Так

и не сбылась мечта первой игуменьи монастыря Евтихии, двадцать два года своего служения отдавшей строительству главного храма обители! Еще пять лет и здоровье свое следующая игуменья — Анатолия — положила, чтобы достроить величественный каменный собор, но и ее сил не хватило на этот подвиг. Теперь же монастырь и вовсе могли закрыть. Горько было смотреть на недостроенное здание, так и не ставшее местом молитвы.

Матушке вспомнился ее разговор с игуменьей Евтихией на этом самом месте в далеком 1892 году в теплый майский день, солнечный, под необыкновенно голубым небом. В тот год Александро-Невский собор еще не начали строить, здесь была красивая зеленая лужайка. Тогда она уверенно и слезно просила: «Матушка, возьмите меня в монастырь, не прогоняйте! Не бегу я от замужества, не бегу от мира, а иду к Богу. Сердце мое только Ему принадлежит!» А старая игуменья сомневалась. Как, вот так сразу, принять в обитель молодую девушку, убежавшую тайно в монастырь, без благословения родителей?! Как поверить, что не блажь это, а глубокий осознанный выбор, который подтвердит вся ее новая жизнь? Умрет ли ее старая жизнь, канут ли в Лету все привязанности, страсти, страхи мирские? Будет ли в Господе жить новая душа, заполненная только Им? А вдруг такого таланта у восторженной девушки нет, тогда ее существование в монастыре станет мукой, и увидит она только бесконечную тяжесть будней, затоскует...

Девушке из Москвы, из богатой семьи по силам ли годами нести тяжелые послушания в поле, в коровнике, в конюшне? Смирится ли она? Выдержит ли крестьянский непосильный труд вместе с сельскими, привычными к такой работе женщинами или заплачет горькими слезами, забудет все обеты и, разочаровавшись, уйдет в привычный для себя мир?

Как трудно было тогда принять решение игуменье Евтихии!

* * *

Отчий дом матушка Олимпиада вспоминала с любовью. С самого детства она — тогда отроковица Вера — была окружена заботой и любовью родных. Отец и мать мечтали сделать ее счастливой, дали хорошее домашнее образование, баловали, а когда исполнилось дочери шестнадцать лет, нашли жениха из богатой и благочестивой семьи. Но только дочь их не просто так часто ездила по монастырям и святым местам, душа ее была наполнена любовью к Богу, объята молитвами, Небо уже светилось в ее глазах, монахини в черных мантиях казались сестрами.

Вскоре стал понятным ее выбор.

Родители и слушать ничего не хотели об ангельском пути для дочери, несколько лет они ждали, надеялись ее переубедить, а потом, несмотря на ее горькие слезы, чтобы прекратить все разговоры, подписали с женихом и его родителями брачный договор. Но как,

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. АРТЕЛЬ	3
ГЛАВА 2. АРЕСТ МАТУШКИ	44
ГЛАВА 3. УСТЬ-ЦИЛЬМА	78
ГЛАВА 4. НЕРИЦА	112
ГЛАВА 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ	150
ГЛАВА 6. СЕЛО СВЕРДЛОВО	185
ГЛАВА 7. АРЕСТЫ	217
ГЛАВА 8. «СКОРОПОСЛУШНИЦА»	252
ГЛАВА 9. ПОСЛЕДНИЕ МАТУШКИ	292
ЭПИЛОГ. ВОЗРОЖДЕНИЕ	335